

UDC 94(4):94(5)

LITHUANIAN LEGEND ABOUT FOUNDING OF CHERKASY CITY AND ITS HISTORICAL CHARACTER

O. Bubenok

DSc (History), Professor

A. Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine

4, Hrushevskoho Str., Kyiv, 01001, Ukraine

helgebub@i.ua

The origin of the name of Cherkassy city, located on the right bank of the Dnieper river, has always been of interest for the historians. The followers of one hypotheses believe in the connection of this toponym with one name of Adyghian people in Northern Caucasus. Founding for this purpose is the most early fixing of legend about founding of Cherkasy fortress in the Slavic Lithuanian lustration in 1552. According to it, Lithuanian prince Gediminas, conquering Kaffa and Perekop and also “the Cherkases in Piatigorie”, drove the last to Dnepr basin, where they founded Cherkasy fortress. However Gediminas could not accomplish this migration of Adyghes from the Northern Caucasus, because he governed in the first half of 14th century AD, when the Middle Dnepr basin was included into the Golden Horde. In spite of the fact that all these legends had ideological basis, nevertheless one should not deny a possibility of such migrations of the Adyghes. The archeological data allow to consider that in the second half of the 13th century AD or the first half of the 14th century AD the Golden Horde rulers could transmigrate the Adyghes from the Northern Caucasus and settle them in the Middle Dnieper basin. As a result of this migration, initially Cherkasy settlement could be founded there; in the 14th century its name was passed to the Lithuanian town that emerged at the same place. So, we see a maiden attempts to explain the circumstances of origin of Cherkasy settlement only in Lithuanian legend. It happened exactly before the Livonian War in 1552. In this time the dispute between the Lithuania the Moscow reign took place concerning the lands in Middle Dnepr basin. Thus, the Lithuanian historians distorted a historical fact intentionally in their political interests.

Keywords: Cherkasy, Middle Dnepr basin, Piatigorie, Gediminas, lustrations, Great duchy Lithuanian, Gold Horde

ЛИТОВСКАЯ ЛЕГЕНДА ОБ ОСНОВАНИИ ГОРОДА ЧЕРКАССЫ И ЕЕ ИСТОРИЧНОСТЬ

В истории Великого княжества Литовского заметные позиции занимали земли Среднего Поднепровья. Следует отметить, что от ситуации в последнем субрегионе значительно зависел ход событий не только на верхнеднепровских землях, но и во всем Великом княжестве Литовском. Как известно, Среднее Поднепровье прочно вошло в состав этого государства после событий 1362 г. и длительное время представляло собой южные приграничные территории, связанные своим развитием с Крымом и Северным Кавказом. Именно в данном направлении исследований остается немало белых пятен. Так, до сих пор остаются загадкой время и обстоятельства основания города Черкассы.

Происхождение названия города *Черкассы*, расположенного на правом берегу Днепра, всегда вызывало интерес у историков. Это было связано с тем, что топоним по форме напоминал этноним *черкес* – *черкас*, имеющий отношение к адыгам Северного Кавказа. Однако сложность решения вопроса состояла в том, что в документах название города начало фигурировать лишь в позднее Средневековье. Интерес к данной проблеме был обусловлен еще тем, что в XVI–XVII вв. название *черкассы* использовалось для обозначения украинцев Поднепровья. Именно это и породило в среде исследователей различные мнения.

Приверженцы одной из гипотез верят в связь среднеднепровского топонима *Черкассы* с названием адыгов Северного Кавказа. Основанием для этого стала наиболее ранняя фиксация легенды об основании крепости Черкассы, которая содержится в одной из славяноязычных литовских люстраций (переписей, ревизий) Каневского и Черкасского замков, датированной 1552 г., где сказано: “*Початокъ Черкасовъ и Канева. Отъ початку Черкасовъ и Канева уходы по всимъ тымъ рекамъ вольны были Каневъцомъ, бо яко князь великій Литовскій Гедиминъ, завоевавши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ и Черкассы Пятигорское, и приведеши Черкасовъ часть з княгинею ихъ, посадилъ ихъ на*

Снепородце, а иншихъ на Днѣпре, где теперь Черкасы сидятъ, а Снепородцевъ посадиль на Днѣпрежь у Каневе и сидячи Снепородце на Днѣпре у Каневе, предся отъчизны свои по речкамъ инымъ Севирскимъ уходити не прѣстали” [АЮЗР 1886, 103]. Весьма характерно, что на противоположном от города Черкассы левом берегу Днѣпра на берегу р. Снепород, правом притоке Сулы, до сих пор существует с. Пятигорцы.

Однако если учесть, что Гедимин, великий князь литовский, единолично правил с 1316-го по 1341 г., то получается, что город Черкассы был основан в первой половине XIV в. и своим названием был обязан народу кавказского происхождения. В современной науке существует мнение, что в 1321 г. Гедимин начал войну против галицко-волинских князей, одержал ряд побед и в 1322 г. после успешной битвы на реке Ирпень занял Киев с “пригородами”. Следовательно, в этот период, согласно записанной легенде, он и мог основать город Черкассы. Однако у нас нет никаких известий о походе Гедимины на Кавказ, откуда он мог привести адыгов-черкасов. К тому же в данном случае смущает значительный хронологический разрыв между описанным событием и первым упоминанием о нем в документе – более 200 лет, что позволяет считать его легендой, хотя и не лишенной определенной доли историчности. При этом смущает и то, что в данном документе к началу XIV в. относят также основание города Канева, хотя хорошо известно, что этот город был основан в домонгольское время.

Отметим также, что Гедимин не ходил походом в то время на Крым. Поэтому, учитывая это, сто лет тому назад Л. В. Падалка высказал предположение, что народ “черкасы” и город Черкассы появились в Среднем Поднепровье после Крымского похода литовского князя Витовта, а не Гедимины [Падалка 1910, 42]. Очевидно, исследователь имел в виду поход Витовта в 1426 г., вследствие которого литовский князь не только захватил Крым, но и дошел до г. Сарая на Волге, т. е. он проходил через равнину Северного Кавказа, где рядом проживали “Черкасы пятигорские”.

Поэтому не исключено, что записанная в литовской люстрации 1552 г. легенда о переселении Гедимином черкасов из кавказского Пятигорья в Поднепровье может являться заказной фальсификацией, направленной на подтверждение прав литовских

князей на города Центральной Украины, к которым относился и г. Черкассы. Однако некоторые детали в люстрации заставляют говорить о том, что такое переселение могло иметь место. Вопрос в том, были ли причастны к этому литовские князья?

Некоторые исследователи склонны больше доверять сообщению Густинской летописи, датированному 1305 г.: “Паки Гедиминъ, князь Литовскій, Овруче и Житомиръ взять подъ княземъ Кіевскимъ Станиславомъ. Въ то же время и самого князя Станислава Кіевского, и Лва Луцкого, и Романа Брянского и прочіяхъ порази, и Кіевъ подъ нимъ взять и потом Каневъ, Черкасы, Путивль, Брянско и Воынь...” [Густинская летопись 1843, 348]. На основании этого А. С. Стрижак без каких-либо сомнений высказался в пользу того, что г. Черкассы был основан до 1305 г. [Стрижак 1968, 83]. Однако Густинская летопись была написана лишь в начале XVII в. и, следовательно, хронологический разрыв между описанным событием и упоминанием о нем в документе составляет более 300 лет. А это ставит под сомнение данную гипотезу.

Необходимо отметить, что литовская люстрация 1552 г. содержит не самое первое упоминание о крепости Черкассы. Так, одно из наиболее ранних упоминаний о поселении Черкассы содержится в Супрасльской летописи, написанной в первой половине XVI в. и представляющей собою литовскую хронику. Эта летопись состоит из трех частей. Первая из них, озаглавленная “Избрание летописания изложено въкратце”, содержит данные общерусского характера. Затем следует отрывок из “Повести временных лет” на 10 строках, и далее без заголовка начинается часть, посвященная главным образом великому князю Витовту (около 1350–1430 гг.). В этой части для нас особый интерес представляет очень раннее упоминание города Черкассы, которое исследователи обычно датируют 1395 г.: “Тои же весны князь велики Витовт поиде взя град Житомир и Вручии, и приеха к нему князь Волидемер. Того жь лета на осен князь виликии Витовт выведе его ис Киева и дасть ему Копыл, а на Киеве посади князя Скиригаила. Самъ же князь великии Витовт поиде на Подольскую землю, а князю Скиригаилу повели ити ис Киева ко Черькасомъ и ко Звенигороду. Князь же Скиригаило божиею помощію,

великого князя Витовта повелениемъ взя Черкасы и Звенигород и возворотися паки ко Киеву” [Супрасльская летопись 1980, 65].

Упомянут г. Черкассы и в Ярлыке Крымского хана Менгли-гирея литовскому князю Сигизмунду, датированном 1506–1507 гг.: “...Браславскую тму со всеми входы и данм и з землями и водами; Сокалскую тму со всеми входы и данми и з землями и водами; Звенигород з выходы и з данми и з землями и водами; Черкассы з выходы и з данми и з землями и водами; Хачибиев Маяк з водами и землями” [Акты, относящиеся... 1848, 4]. Весьма показательно, что данный документ появился в период территориального расширения Крымского ханства. По наблюдениям О. С. Мавриной, в конце XV – начале XVI в. имели место следующие события: «...ликвидация или трансформация одного из наиболее могущественных государственных образований на базе Джучиева улуса Большой (Заволжской) Орды кардинально изменила политическую географию юго-восточного региона Восточной Европы. Усиление Крымского ханства, которое унаследовало от Большой Орды “великоулусные” настроения и претензии, сопровождалось борьбой с остатками Орды. Крымское ханство стало главным преемником традиций Джучиева Улуса. Под воздействием вхождения в него огромного числа улусов Большой Орды изменилась структура ханства, увеличилось его население, сформировалась великоординская идеология. Оформились претензии ханства на территории Казанского и Касимовского ханатов, на которые Менгли-гирей претендовал как на свою “отчину”. С этого времени изменилось и само название ханства. Если раньше оно преимущественно именовалось просто ордой, то теперь, согласно ордынской традиции XV века, превратилось в Большую Орду, или Большой Улус. Крымский хан, который раньше в основном удовлетворялся собственным именем (Менгли Гирей Ач-гиреев сын или бин Хаджи-гирей), стал “великим царем”. Эти изменения произошли потому, что Крымское ханство почувствовало себя единственным обладателем причерноморских и приазовских степей и вхождение в ханство огромного числа улусов Большой Орды, включая улус Тювикеля, который раньше определял всю внешнюю политику Большой Орды, повлияло на идейное оформление власти крымского хана, его внешнеполити-

ческую доктрину. Великоордынские, или великоулусные, на строения Менгли-гирея питались прошлым и были направлены на реставрацию тех времен, когда Орда занимала огромную территорию Восточной Европы и имела власть над значительной ее частью» [Маврина 2006, 117–118]. Отсюда и тон Ярлыка хана Менгли-гирея литовскому князю Сигизмунду.

Однако более раннее упоминание о крепости Черкасы содержится в “Списке русских городов дальних и ближних” – историко-географическом памятнике XIV–XV вв. По мнению исследователя данного источника В. Н. Тихомирова, время возникновения “Списка...” правильнее всего относить к концу XIV в. Исследователь считает, что он возник между 1387 и 1392 гг. Древнейший “Список...” помещен в Новгородской Первой летописи младшего извода, переписанной в середине XV в., и сохранился в новгородской рукописи. По наблюдениям В. Н. Тихомирова, “Список городов” в Ермолинской летописи, близкий по времени к Новгородской Первой летописи, также сохранил в передаче названий городов следы новгородского происхождения. Новгородские города с особенной полнотой и точностью указаны в списке. Поэтому В. Н. Тихомиров склонен был считать, что и “Список русских городов...” возник в Новгороде. Особый интерес представляет прилагаемый к перечню городов термин “а се польский”, который в Новгородской Первой летописи отсутствует, но имеется в Ермолинской. По мнению В. Н. Тихомирова, это название можно считать искажением слов “подольские города”. В Списке показано 11 “польских”, или подольских, городов в следующем порядке: “Каменец, Иловечь, Браславль, Соколечь, Звенигород, Черкасы, Черлен, Новый городок, Венича, Скала, Бакота”. Из всех “польских” городов местоположение только города Черкас остается неясным [Тихомиров 1952, 229]. Однако и это не самое первое упоминание поселения Черкасс.

Наиболее раннее известное современным исследователям упоминание о крепости “Черкасы”, а точнее, о “воеводе Черкас” содержится в жалованной грамоте литовского аристократа Федора Корнатовича, согласно которой он передавал во владение своему слуге Пашке Васневичу семь сел в Брацлавском уезде на Подолье (нын. Винницкая обл. Украины). Грамота датирована 9 августа

1392 г. Упоминание “Черкас” содержится в списке лиц, засвидетельствовавших достоверность грамоты: “А тому всему на утверждение и на сведомье своего кн(я)зства завесили есмо печать своего кн(я)зства. А на тот лист сведьки: князь(ь) Васиλει Веницкии и пан Гринько Соколецкии, и Павел Слупица, пан Ходко Чемеревич, пан Немира Бакотьскии, пан Бедрых Черкаскии воевода, пан Печь, панъ Прокопъ Спалецкии воевода, пан Фронцко подчашыи” [Беларуская даўніна 2014, 149–150].

Таким образом, мы можем даже не сомневаться в том, что крепость Черкассы на Днепре уже существовала в конце XIV в. Однако точно не известно, когда возникла крепость Черкассы: до прихода литовцев после Синеводской битвы в 1362 г. или уже во время их деятельности в Среднем Поднепровье? Отметим, что Плато Карпини, который в начале 1246 г. побывал здесь, ничего не сообщает о нахождении возле Киева и Канева “Чиркасов” [Карпини 1957, 67–68]. Следовательно, поселение Черкассы могло возникнуть на правом берегу Днепра лишь после февраля 1246 г., но до конца XIV в.

Археологические изыскания в районе г. Черкассы позволяют проверить данную версию. Так, проведенные Д. П. Куштаном в 2002 г. раскопки в исторической части г. Черкассы дали довольно интересные результаты относительно начала функционирования посада Черкасского замка. В 2004 г. автор раскопок об этом писал: “Первый горизонт (XIV–XV вв.) отвечает периоду ранней истории города, когда он был в составе Великого княжества Литовского”. Относительно времени прекращения функционирования старейшего слоя Черкасского поселения и замка Д. П. Куштан высказался в пользу того, что это следует связывать с нападением крымских татар во главе с ханом Менгли-Гиреем в 1483 г. [Куштан 2014, 19–20]. В связи с этим уместно отметить следующее наблюдение О. С. Мавриной: “В военных акциях Хаджи-Гирея 60-х годов можно заметить попытку выработать новый курс внешней политики Крыма. Не случайно, уже в эти годы Хаджи-Гирей ищет путь сближения с Москвой и одновременно уменьшает контакты с Ягеллонами (это и понятно, ибо Москва была слабой и не представляла угрозу для ханата в отличие от Польско-Литовского государства), опережая политику Менгли-Гирея 70–90 годов

XV в., которая имела очень часто промосковский и вместе с тем антигеллонский характер” [Маврина 2004, 71–72]. Как видим, нападение Хаджи-Гирея на Черкассы в 1483 г. было отнюдь не случайным. Однако так и не известно, когда возникли Черкасский замок и посад – в середине или в конце XIV в.?

Кроме того, в 1996 г. С. К. Рець и в 1999 г. Д. П. Куштан исследовали памятники долитовского периода на месте бывшего с. Василица, на окраине современных Черкасс [Рець 1996, 24–44; Куштан 2000, 9, 35–38]. По данным Д. П. Куштана, в 1996 г. “на песчаном возвышении в пойме Днепра во время разведок был выявлен могильник и поселение XIII–XIV вв. В культурном слое были выявлены фрагменты кружальной посуды и исследовано одно погребение (№ 1). Здесь же было найдено значительное количество железных шлаков, что может свидетельствовать о существовании на поселении железообработного центра. В 1999 году автором на этом памятнике были исследованы еще два погребения этого же времени (№ 2 и 3). Покойники лежали вытянуто на спине, головой на запад, руки были сложены на животе. Погребение № 1 сопровождалось бронзовой проволочной сережкой со стеклянной бусиной” [Куштан 2006, 75–77].

Для датировки поселения особый интерес может представлять последняя находка. Аналогичная бронзовая проволочная сережка с двухсложным подвижным стержнем, на конце которого размещалась бусина, была найдена среди инвентаря большого христианского могильника золотоордынской культуры в Нижнем Поднепровье – Мамай-Сурка, который датируется второй половиной XIII – началом XV в. [Ельников 2000, 44, рис. 4, 7]. По словам исследователя этого комплекса М. В. Ельникова, такие вопросовидные сережки встречаются “в слоях XIV в. Волжской Булгарии (тип VI, вариант А)” [Ельников 2000, 48, рис. 4, 7].

Естественно, этого явно недостаточно, чтобы утверждать, что на окраине современного города Черкассы уже во второй половине XIII – в начале XIV в. существовало неукрепленное поселение с христианским населением. Однако благодаря Плано Карпини мы знаем, что уже раньше середины XIII в. на север от указанной территории в Каневе был монгольский наместник – “Алан по имени Михей” [Карпини 1957, 67–68]. В связи с этим следует

обратить внимание на следующее наблюдение Б. В. Черкаса относительно характера монгольского присутствия в отмеченном районе: "...по крайней мере одну тьму следует локализовать на территории от современного Днепропетровска или Запорожья вдоль Днепра до Роси" [Черкас 2014, 255]. Следовательно, территория Черкас с того времени была подконтрольна монголам, куда те могли переселить население из подвластных им христианских земель [Бубенок 2014, 99–117; Бубенок 2014а, 51–55].

До недавнего времени такое предположение казалось невозможным, пока М. В. Горелик нетрадиционно подошел к интерпретации уже известных археологических материалов, обнаруженных ранее в Поросье. Речь идет о захоронении кургана № 69, обнаруженного на Яблуневском могильнике вблизи г. Белой Церкви (летописный Юрьев). Первые исследователи по аналогиям инвентаря связали этот курган с Северным Кавказом, но необоснованно соотнесли его с аланами, у которых подобные подкурганые захоронения не встречались. По словам М. В. Горелика, аланы здесь были ни при чем: "В рассматриваемом же памятнике погребение было совершено по обряду ингумации на горизонте, что являлось традиционным способом погребения древних адыгов, особенно ярко представленным в материалах древнеадыгской-золотоордынской белореченской культуры XIV–XV вв. Вооружение, сопровождавшее похороненного мужчину-воина, не оставляет никаких сомнений ни в его этнокультурной принадлежности, ни во временном отрезке, на который пришлась его жизнь". К этим артефактам исследователь отнес остатки круглого щита, саблю, наконечник копья и т. п. Именно это дало основания М. В. Горелику считать, что "здесь был похоронен золотоордынский воин-черкес". На основании всего этого исследователь сделал вывод: "Можно предположить, что мы рассмотрели погребение одного из тех черкесских воинов, которые были переселены золотоордынской администрацией в стратегически важный район для укрепления позиций против начинавшегося усиления и претензий на данный регион Великого княжества Литовского и Русского. Переселение могло иметь место от середины XIII в., когда Среднее Поднепровье вошло в границы кочевий чингизида Хурмиши (Журемсы), до 1362 г., когда в битве при Синих Водах Оль-

герд Литовский отвоевал у Улуса Джучи власть над Киевщиной”. В результате, по мнению исследователя, и появилось поселение, носящее имя переселенцев, – Черкассы [Горелик 2014, 73–88].

Как видим, имеются основания говорить о том, что город Черкассы мог быть основан еще в золотоордынский период. Получается, что литовские князья не были причастны к основанию крепости Черкассы. Вопрос в том, каковы же были причины создания легенды, записанной в литовской люстрации 1552 г. Для этого следует выяснить связь черкасов литовской легенды с черкасами Пятигорья на Северном Кавказе. В этом могут помочь данные топонимии и антропонимии.

Есть одно название в городе Черкассы, которое может указывать на это. Еще в 1967 г. А. С. Стрижак зафиксировал один интересный факт: «Так, в Черкассах на Днестре одна из окраин называется Бешту (сравним с горой Бештау на Северном Кавказе, возле подножия которой раскинулся город Пятигорск), от тюркского *беш* – “пять” и *тау* – “гора”» [Стрижак 1967]. К сожалению, исследователь не указал источник своей информации. Но если это правда, то следует вспомнить, что в люстрации от 1552 г. среди большого количества имен местных жителей различного происхождения в Каневском замке упомянут антропоним “Степанец Пятигорчин” [АЮЗР 1886, 104]. Создается впечатление, что “малороссийские черкасы” называли “пятигорских черкасов” не иначе как “пятигорцы”. Тем не менее следует обратить внимание на аргументы оппонентов, в соответствии с которыми прозвище “Пятигорчин” может указывать лишь на то, что он был родом из села Пятигоры на Киевщине. Но это село насчитывает лишь 400-летнюю историю. Бывшее название села – *Триножин*. Впервые как *Пятигоры* оно упоминается в документах в 1596 г. [Київська область 1971, 676]. А “Степанец Пятигорчин” был упомянут в документе 1552 г. Не было тогда в 1552 г. и села Пятигорцы на левом берегу Днестра на берегах р. Слепород, которая является правым притоком р. Сулы. Напомним, что в легенде об основании города Черкассы, которая содержится в литовской люстрации, отмечено, что князь Гедимин завоевал “Черкассы Пятигорское, и приведши Черкасовъ часть с княгиней ихъ, посадил ихъ на Снепороде, а иныхъ на Днестре, где

теперь Черкассы сидят, а Снепородцев посадил на Днепрежь в Каневе и сидя Снепородце на Днепре в Каневе...” [АЮЗР 1886, 103]. Несмотря на легендарность сообщения, нельзя исключить возможность того, что пятигорские черкасы находились и на левом берегу Днепра, откуда они могли заселять правобережье Среднего Поднепровья. Следствием этого и стало появление на берегах р. Снепорода после 1552 г. села, которое носит имя **Пятигорцы**.

В. Ф. Горленко считал, что в литовской люстрации 1552 г., кроме имени “Степанец Пятигорчин”, были другие антропонимы, вероятно, кавказского происхождения: Лазука, Горец Тиньснич, Тока Копытков, Ломан, Семен Скуматов, Гусейм (Хусейн), Нелистон Старый, Жчалаш, Мишко Теребердеевич и т. п. [Горленко 1982, 105]. Однако проведенный анализ позволил выделить еще большее количество таких “подозрительных” антропонимов [АЮЗР 1886, 84–105]. Среди немалого количества имен жителей Черкасского и Каневского замков, приведенных в литовских люстрациях 1552 г., следует выделить особо еще один антропоним, который указывает на гидроним Северного Кавказа. Так, среди жителей Каневского замка упомянут “Федко Басанский” [АЮЗР 1886, 103]. В связи с этим следует привести наблюдения Дж. Н. Кокова о распространении среди адыгов антропонима **Бахьсэн**, сохраненного до сих пор как фамилия **Бахьсэн-хэ** (*Баксановы*). По мнению исследователя, это родовое название является производным от названия реки **Бахьсэн** (*Баксан*) на Северном Кавказе [Коков 1974, 148–149].

Однако на этом перечень подобных наименований отнюдь не является исчерпанным, хотя вполне возможно, что не все предложенные названия могут иметь кавказское происхождение. Кажется, люстрации Каневского и Черкасского замков 1552 г. могут представлять большой интерес для лингвистов-кавказоведов и являться доказательством того, что задолго до середины XVI в. адыгские переселенцы уже были в Среднем Поднепровье.

Вполне возможно, что записанная в люстрации от 1552 г. легенда об основании города Черкасс может отображать намерение литовского автора объяснить, откуда появились между Черкассами и Каневом на правом берегу Днепра и на левобережье Днепра

в бассейне Слелорода черкасы кавказского происхождения. На первый взгляд, мы здесь имеем одного автора. Но смущает то, что летописец эти события датировал временами правления Гедимины – с 1316-го по 1341 г.: “яко князь великій Литовскій Гедиминъ”. При этом Гедимину он приписал достижения Витовта в 1426 г.: “завоевавши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ” [АЮЗР 1886, 103]. Таким образом, в первой части этой легенды видим явную конъюктуру литовского автора, обусловленную глубоко идеологическими соображениями, так как надо было не только доказать права литовцев на крепости Черкассы и Канев, но и показать давность этих событий.

Однако дальнейшая часть легенды уже не напоминает творчество литовских авторов: “...и приведъши Черкасовъ часть с княгиней ихъ...” [АЮЗР 1886, 103]. В данном случае складывается впечатление, что мы имеем дело с местным фольклорным сюжетом, который очень напоминает кавказские легенды о князьях и княгинях. А это значит, что перед нами записанная, но измененная легенда местных жителей о своем происхождении, которая могла иметь до 1552 г. не одну сотню лет. Это позволяет считать это сообщение более близким к истине, чем рассказы российских историков XVIII – первой половины XIX в. об этих событиях [Бубенок 2012, 5–17; Бубенок 2014, 99–117]. Для примера можно привести “Повесть временных лет”, первые разделы которой представляют записанный народный фольклор. Однако большинство исследователей не отрицают того, что такие сообщения содержат какую-то часть исторической правды.

Исходя из этого, можно считать, что литовская легенда об основании города Черкассы в Среднем Поднепровье выходцами с Северного Кавказа может иметь под собой историческую основу, несмотря на ряд спорных моментов. В данном случае мы ясно видим одну из попыток объяснить обстоятельства возникновения поселения Черкассы, чье название очень напоминает обозначение для северокавказского народа. Однако со времени основания города и до записи легенды литовским автором прошла не одна сотня лет. Вопрос в том, почему именно в 1552 г. в литовской историографии появилась эта легенда.

Отметим сразу, что середина XVI в. ознаменовалась для народов Восточной Европы, включая Северный Кавказ, весьма сложной политической обстановкой. Тогда на политической карте произошли значительные изменения, связанные с длительными войнами. Одной из них была Ливонская война (1558–1583 гг.), в которую с одной стороны оказались втянутыми государства Балтийского региона, в первую очередь Великое княжество Литовское и Польша, а с другой стороны – крепнувшее при Иване IV Грозном Московское царство. Эта борьба закончилась для Литвы и Польши подписанием в 1569 г. Люблинской унии, что привело к созданию Речи Посполитой. Именно это объединение способствовало поражению Москвы в Ливонской войне.

Как раз накануне Ливонской войны, в 1552 г., в литовской люстрации и была записана легенда об основании города Черкассы на Днепре литовскими князьями. Ведь одним из ключевых моментов в противостоянии Великого княжества Литовского и Московского царства были споры относительно дальнейшей судьбы земель в Верхнем и Среднем Поднепровье. Получается, что литовские историки исторический факт переселения адыгов-черкасов в Поднепровье с Северного Кавказа умышленно исказили и использовали в своих политических интересах. Результатом этого и стала одна из наиболее ранних легенд об основании города Черкассы в Среднем Поднепровье именно одним из литовских князей.

ЛИТЕРАТУРА

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. II. Санкт-Петербург, 1848.

АЮЗР – Архив Юго-Западной России. Ч. VII. Т. I. Киев, 1886.

Беларуская даўніна. Вып. 1. Минск, 2014.

Бубенок О. Б. Легенды об основании города Черкассы: правда или вымысел? // *Східний світ*, 2012, № 3.

Бубенок О. Б. Коли і хто заснував місто Черкаси? // **Княжа доба: історія і культура.** Вип. 8. Львів, 2014.

Бубенок О. Б. К вопросу о золотоордынском периоде в истории города Черкассы // **XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средне-**

вековья. **Актуальные проблемы хронологии.** Материалы научной конференции. Керчь, 2014а.

Горелик М. В. Погребение черкесского воина 2 пол. XIII – 1 пол. XIV вв. в Поросье // **Історія давньої зброї.** Дослідження. Київ, 2014.

Горленко В. Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX вв. // **Советская этнография,** 1982, № 3.

Густинская летопись // **Полное собрание русских летописей** (далее – ПСРЛ). Т. II. Санкт-Петербург, 1843.

Ельников М. В. Средневековый могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье // **Археологічний літопис Лівобережної України.** 2000. Ч. 1–2 (7–8).

Карпини П. История монгалов // Карпини П. **История монгалов.** Рубрук Г. **Путешествие в восточные страны.** Москва – Ленинград, 1957.

Київська область // **Історія міст і сіл УРСР.** Київ, 1971.

Коков Дж. Н. **Адыгская (черкесская) топонимия.** Нальчик, 1974.

Куштан Д. П. Звіт про археологічні розвідки у Черкаській області за 1999 р. // **Науковий архів Інституту археології НАНУ.** 2000.

Куштан Д. Нові дослідження посаду Черкаського замку // **Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні.** Вип. 13. Київ, 2004.

Куштан Д. Рання історія міста Черкаси на основі археологічних джерел // **Північне Причорномор'я і Крим у добу середньовіччя (XIV–XVI ст.).** Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-літтю археологічних досліджень золотоординської пам'ятки в с. Торговиці. Кіровоград, 2006.

Мавріна О. С. Виникнення Кримського ханату в контексті політичної ситуації в Східній Європі кінця XIV – середини XV ст. // **Сходознавство.** № 25–26. Київ, 2004.

Мавріна О. С. Від улусу Золотої Орди до Кримського ханства: особливості політичної еволюції // **Сходознавство.** № 33–34. Київ, 2006.

Падалка Л. В. **Историческая обстановка формирования бытового уклада народной жизни на Полтавщине.** Полтава, 1910.

Рець С. К. Звіт про археологічні розвідки і спостереження в районі м. Черкаси. 1996 р. // **Науковий архів Інституту археології НАНУ.** 1996.

Стрижак О. С. Назва веде до глибин // **Молодь України,** 27 серпня 1967 р.

Стрижак О. С. Звідки назва міста // **Українська мова і література в школі,** 1968, № 2.

Супрасльська летопись // **ПСРЛ.** Т. XXXV. Москва, 1980.

Тихомиров М. Н. “Список русских городов дальних и ближних” // **Исторические записки.** Т. 40. Москва, 1952.

Черкас Б. **Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.).** Київ, 2014.

REFERENCES

Akty, otnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii (1848), Т. II. Sankt-Peterburg. (In Russian).

AYUZR – Arkhiv YUgo-Zapadnoy Rossii (1886), CH. VII, Т. I. Kiyev. (In Russian).

Belaruskaya daunina (2014), Vyp. 1. Minsk. (In Belarussian).

Bubenok O. B. (2012), “Legendy ob osnovanii goroda Cherkassy: pravda ili vymysel?”, *Shidnij svit*, № 3, p. 5–17. (In Russian).

Bubenok O. B. (2014), “Koly i khto zasnuvav misto Cherkasy?”, *Knyazha doba: istoriya i kul'tura*, Vyp. 8, L'viv, p. 99–117. (In Ukrainian).

Bubenok O. B. (2014a), “K voprosu o zolotoordynskom periode v istorii goroda Cherkassy”, *XIV Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nyye problemy khronologii. Materialy nauchnoy konferentsii.* Kerch', p. 51–55. (In Russian).

Gorelik M. V. (2014), “Pogrebeniye cherkesskogo voina 2 pol. XIII – 1 pol. XIV vv. v Poros'ye”, *Istoriya davn'oi zbroi. Doslidzhennya.* Kiyev, p. 73–88. (In Russian).

Gorlenko V. F. (1982), “Ob etnonime cherkasy v otechestvennoy nauke kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX vv.”, *Sovetskaya etnografiya*, № 3, p. 96–107. (In Russian).

“Gustinskaya letopis” (1843), *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (daleye – PSRL)*. T. II. Sankt-Peterburg, p. 233–373. (In Russian).

El’nikov M. V. (2000), “Srednevekovyy mogil’nik Mamay-Surka v Nizhnem Podneprov’ye”, *Arkheologichniy litopis Livoberezhnoï Ukraïni*, CH. 1–2 (7–8), p. 42–53. (In Russian).

Karpini P. (1957), “Istoriya mongalov”, *Karpini P. Istoriya mongalov. Rubruk G. Puteshestviye v vostochnyye strany*, Moskva – Leningrad, p. 23–83. (In Russian).

“Kyyivs’ka oblast” (1971), *Istoriya mist i sil URSR*. Kyyiv. (In Ukrainian).

Kokov Dzh. N. (1974), *Adygs’kaya (cherkess’kaya) toponimiya*. Nal’chik. (In Russian).

Kushtan D. P. (2000), “Zvit pro arkheologichni rozvidky u Cherkas’kiy oblasti za 1999 r.”, *Naukovyy arkhiv Instytutu arkheolohiyi NANU*. (In Ukrainian).

Kushtan D. (2004), “Novi doslidzhennya posadu Cherkas’kogo zamku”, *Novi doslidzhennya pam’yatok kozats’koyi doby v Ukrayini*, Vyp. 13. Kiyev, p. 18–21. (In Ukrainian).

Kushtan D. (2006), “Rannya istoriya mista Cherkasy na osnovi arkheologichnykh dzherel”, *Pivnichne Prychornomor’ya i Krym u dobu seredn’ovichchya (XIV–XVI st.)*, *Materialy mizhnarodnoyi naukovoï konferentsiyi, prysvyachenoyi 10-littyu arkheolohichnykh doslidzhen’ zolotoordyns’koyi pam’yatky v s. Torhovytsi*, Kirovograd, p. 75–77. (In Ukrainian).

Mavrina O. S. (2004), “Vynyknennya Kryms’koho khanatu v konteksti politychnoyi sytuatsiyi v Skhidniy Yevropi kintsya XIV – sere-dyny XV st.”, *Skhodoznavstvo*. Vyp. 25–26, Kyyiv, 2004, p. 57–77. (In Ukrainian).

Mavrina O. S. (2006), “Vid ulusu Zolotoyi Ordy do Kryms’koho khanstva: osoblyvosti politychnoyi evolyutsiyi”, *Skhodoznavstvo*. Vyp. 33–34, Kyyiv, p. 108–119. (In Ukrainian).

Padalka L. V. (1910), *Istoricheskaya obstanovka formirovaniya bytovogo uklada narodnoy zhizni na Poltavshchine*. Poltava. (In Russian).

Rets' S. K. (1996), "Zvit pro arkhеologichni rozvidky i sposterezhennya v rayoni m. Cherkasy. 1996 r.", *Naukovyy arkhiv Institutu arkhеolohiyi NANU*. (In Ukrainian).

Strizhak O. S. (27 serpnya 1967 r.), "Nazva vede do hlybyn", *Molod' Ukrainy*. In Ukrainian).

Strizhak O. S. (1968), "Zvidky nazva mista", *Ukrayns'ka mova i literatura v shkoli*, № 2, p. 15–16. (In Ukrainian).

"Suprasl'skaya letopis'" (1980), *PSRL*, T. XXXV. Moskva, p. 65–80. (In Russian).

Tikhomirov M. N. (1952), "Spisok russkikh gorodov dal'nikh i blizhnikh", *Istoricheskiye zapiski*, T. 40, Moskva, p. 214–259. (In Russian).

Cherkas B. (2014), *Zakhidni volodinnya Uhusu Dzhuchy: politychna istoriya, terytorial'no-administratyvnyy ustriy, ekonomika, mista (XIII–XIV st.)*. Kyiv. (In Ukrainian).

О. Б. Бубенок

ЛИТОВСЬКА ЛЕГЕНДА ПРО ЗАСНУВАННЯ МІСТА ЧЕРКАСИ ТА ЇЇ ІСТОРИЧНІСТЬ

Походження назви міста **Черкаси**, розташованого на правому березі Дніпра, завжди становило інтерес для істориків. Прибічники однієї з гіпотез вірять у зв'язок цього топоніма з назвою адигів Північного Кавказу. Підставою для цього стала найбільш рання фіксація легенди про заснування фортеці Черкаси, що міститься в одній зі слов'яномовних литовських люстрацій від 1552 р. У ній повідомляється про те, що литовський князь Гедимін, завоювавши Кафу і Перекоп, а також "черкасів у П'ятигір'ї", привів останніх до Наддніпрянщини, де вони й заснували фортецю Черкаси. Проте Гедимін не міг вчинити це переселення адигів із Північного Кавказу, тому що він правив у першій половині XIV ст., коли Середня Наддніпрянщина ще входила до складу Золотої Орди. Дані археології свідчать на користь такої міграції вже на рубежі XIII–XIV ст., що, у свою чергу, свідчить про дії золотоординської адміністрації. Таким чином, у литовській легенді ми лише бачимо одну з перших спроб пояснити обставини виникнення поселення Черкаси. Це сталося напередодні Лівонської війни в 1552 р. Тоді мала місце суперечка Литви з Московським царством стосовно земель у Середній Наддніпрянщині. Виходить, що литовські історики історичний факт навмисне спотворили у своїх політичних інтересах.

Ключові слова: Черкаси, Середня Наддніпрянщина, П'ятигір'я, Гедимін, люстрації, Велике князівство Литовське, Золота Орда

О. Б. Бубенок

ЛИТОВСКАЯ ЛЕГЕНДА ОБ ОСНОВАНИИ ГОРОДА ЧЕРКАССЫ И ЕЕ ИСТОРИЧНОСТЬ

Происхождение названия города *Черкассы*, расположенного на правом берегу Днепра, всегда вызывало интерес у историков. Приверженцы одной из гипотез верят в связь этого топонима с названием адыгов Северного Кавказа. Основанием для этого стала наиболее ранняя фиксация легенды об основании крепости Черкассы, которая содержится в одной из славяноязычных литовских люстраций от 1552 г. В ней сообщается, что литовский князь Гедимин, завоевав Кафу и Перекоп, а также “черкасов в Пятигорье”, привел последних в Поднепровье, где они и основали крепость Черкассы. Однако Гедимин не мог совершить это переселение адыгов с Северного Кавказа, потому что он правил в первой половине XIV в., когда Среднее Поднепровье еще входило в состав Золотой Орды. Данные археологии свидетельствуют в пользу такой миграции уже на рубеже XIII–XIV вв., что говорит о действиях золотоордынской администрации. Таким образом, в литовской легенде мы лишь видим одну из первых попыток объяснить обстоятельства возникновения поселения Черкассы. Это случилось накануне Ливонской войны в 1552 г. Тогда имел место спор Литвы с Московским царством относительно земель в Среднем Поднепровье. Получается, что литовские историки исторический факт умышленно исказили в своих политических интересах.

Ключевые слова: Черкассы, Среднее Поднепровье, Пятигорье, Гедимин, люстрации, Великое княжество Литовское, Золотая Орда

Стаття надійшла до редакції 23.06.2017